

**Бина Смехова
Иерусалим**

В Иерусалиме вышел в свет альбом выдающегося израильского художника Зелия Смехова «Apocalypse. Dances and masks» («Апокалипсис. Танцы и маски»).

Издание содержит великолепно исполненные репродукции наиболее значительных работ, позволяющих составить достаточно объёмное впечатление о художественных достижениях мастера за последние полтора десятилетия, а также ряд интересных эссе, рецензий, отзывов и других публикаций, посвященных его творчеству. Презентация альбома состоялась на ханукальной неделе в Иерусалимской русской городской библиотеке.

Имя Зелия Смехова хорошо известно любителям и ценителям искусства в Израиле, в других странах и на других континентах. К примеру, Дэвид Мосс, американский издатель «Песни песней» с иллюстрациями Зелия Смехова, восхищается не только широким диапазоном его стиливых приёмов, но и тем совершенством, с которым художник владеет этими приёмами.

«Во всём, что он создаёт, ощущается высокое мастерство, добытое упорным трудом. Воспевает ли художник высокую красоту или, напротив, разоблачает уродство, он выполняет это с необычайным профессионализмом. При всех неожиданных находках, смелых метафорах в искусстве Смехова нет эпатижа, стремления поразить зрителя непохожестью ни на кого, шокировать его низкопробной «новизной». Новизна этого художника — в другом: в умении использовать старое, богатое культурное наследие прошлых веков», — отмечает одна из ведущих израильских искусствоведов Любовь Латт, нелюбимый критик и тонкий ценитель прекрасного.

Выступая на презентации альбома, она напомнила собравшимся друзьям и почитателям основные вехи жизненного и творческого пути виновника праздничного события. Детство и юность в семье известного московского художника-графика Льва Смехова, в артистической среде, где сам воздух, казалось, был напоен искусством. Затем — средняя художественная школа для одарённых детей, Московский художественный институт им. В.Сурикова, занятия в творческой мастерской академика Е.Кибрика по классу графики. Повседневная работа в студии «Диафильм». Участие в различных московских, республиканских и всесоюзных выставках. Зелий становится членом Союза художников. Техники, в которых он работает, — графика, масло, пастель, сепия, темпера, акварель, — перечен не исчерпан. Приходилось и расписывать монументальные панно и плакаты — правда, далековато это от высокого искусства, но мастерство — оно и тут мастерство, и Смехов получает золотую и бронзовую медали за праздни-

КОНИ НАД БЕЗДНОЙ

ное оформление Красной площади.

Однако вершиной его творчества на исходе минувшего века (и накануне исхода из «доисторической»), безусловно, следует признать отражающую крушение гуманистических идеалов в обществе 18-листовую серию «Апокалипсис». Это — картины, которые в отточенно-аллегорической форме, посредством образов страдающих совсем, как люди, и рвущих пута коней зрителю передаётся душевное смутление и ужас, безнадёжность и бешеное стремление вырваться из плена фальши, преступности, лживости, изпод прогнивших насквозь устоев советской государственности. Здесь — прошлое, которое так просто не отпускает. Вздрыбленные кони над бездной, которые суть страсти человеческие — кони обречённые, мятущиеся, загнанные, ослепленные увиденным на краю... Чуткая душа художника не может смириться и не восстает — её терзают и требуют выражения призраки неумолимо надвигающегося конца света...

Картины, к счастью, удалось вывезти, и в 91-м мы увидели их на первой персональной выставке Зелия Смехова в Иерусалиме, в зале Дома Сионистской конфедерации. И зрители, и критики высоко оценили сложнённый до предела язык пластических метафор «Апокалипсиса», эпического по размаху, страстного и яростного по эмоциональному накалу повествования, которое до сего дня никого не оставляет равнодушным. Начал раскрываться новый виток судьбы.

Приехав в Страну, он вскоре и здесь зарекомендовал себя как талантливый мастер, способный выявить самую суть жизненных явлений и донести их до зрителя в яркой, экспрессивной форме. Наряду с замечательными портретами и пейзажными полотнами на новообретённой родине появились серии «Танцы», «Шуты и Маски», полные глубинных смыслов, неожиданных находок и свежих метафор. Зелию удаётся передать причудливые завихрения мысли, переливы настроения, сомнения и борение духа через богатство движений человеческого тела, которое магически преобразуется при звуках «космических сфер».

Как отмечает в предисловии к альбому профессор, доктор искусствоведения Григорий Островский, «трагическое мироощущение, определившее характер и тональность его «Апокалипсиса», не исчезает с обретением новой родины, расколотой терроризмом, терзаемой внешними и внутренними конфликтами и противоречиями. Только сместился и

обострился угол художнического зрения, присущий ему как человеку и художнику редкий и тем более ценный дар сострадания, способность чувствовать и переживать страдания других как свои собственные. Современную ситуацию в мире, трудные судьбы соотечественников Зелий Смехов воспринимает через призму драматических confrontаций жизни и смерти, добра и зла, любви и ненависти». И далее: «Раздвигая стены творческой мастерской, он впускает в свой мир воздух, настоянный на травах библейских холмов, извечных тайнах священных камней Иерусалима, неповторимом очаровании старинных улочек».

Библейская тематика совершенно естественна, органична для Золи, а воплощение её, безусловно, отвечает традиции и в то же время настолько светское, не зашорено-ортодоксальное, насколько глубоки его поистине академические познания в иудейской истории — благодаря природной приверженности её персонажам, знанию реалий и владению тончайшими деталями темы. Его

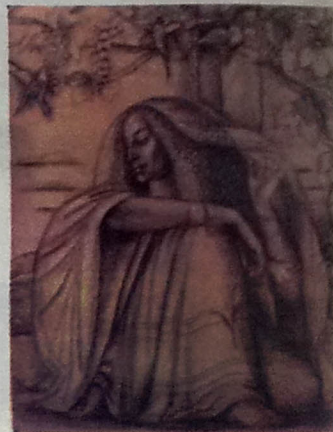
«древние» евреи, как и сегодняшние — живые люди!

Вот эпизод, очень личный. Десять лет тому племянник художника, к тому времени только-только отслуживший в Армии обороны Израиля и поступающий в Оксфорд, собрался навестить в Лондоне уважаемого человека, бывшего в своё время в Иерусалиме его сандаком. Никаким подарком такого не удивить: старинная усадьба в аристократическом еврейском районе, дом — полная чаша, фамильная картинная галерея... Заскочил вчерашний солдат в Писгат-Зевэ к родственникам попрощаться, увидел — и ослеплен от восторга: стоят на мольбертах юный Давид, глаз не оторвать, а неподалеку — Суламифь. Пусть и не его возлюбленная, а тоже глаз от пастуха не отводит.

Короче, вручение свеженанписанного изображения Давида из Иерусалима стало событием в лондонском доме. А вот оставшийся на родине портрет Суламифь вдруг полюбил и померк, как будто кто-то стёр с него живость и сияние. И лишь тогда снова ожила златовласая, когда на соседнем мольберте на месте увезённого в Лондон юного Давида появился другой, ещё более дорогой её сердцу образ.

Кстати, я помню, как Зелий ездил целыми днями по Иерусалиму в автобусе (у них тогда даже машины ещё не было) и присматривал оригинал для эскиза портрета легендарной Шуламит. Девчонок там было эфиопских — одна

привлекательнее другой, как раз в это время разворачивалась известная опе-

рация «Шломо». И мы все тоже приглядывались к пра-пра...внучкам царицы Савской. Но всё же Золя всем им предпочёл свою неизменную, свою непревзойдённую модель. И именно поэтому даже на заглавной странице сайта современного литературного «Иерусалимского журнала», в виртуальном музее которого есть и галерея Зелия Смехова, красуется в образе Суламифь жена художника.

Сегодня в его творческом активе — и насыщенные точными деталями, воссоздающие традиции иудаизма картины по истории Храма; и брызжущие полнотой жизни натюрморты; и остроэстетические сюжеты на темы современности, где извечная еврейская саморония достигает апогея в доведенных до абсурда гротескных, даже сюрреалистических образах — баранов с баранами же во главе... В то же время Зелий Смехов — автор великолепных гравюр на металле, иллюстрирующих уникальное американское подарочное издание «Песни песней» (издательство «Бет Альфа», Беркли). Его оформление изящного сборника «Катулл, 33 стихотворения» (в переводе с латыни Рахели Торпусман) — образец изысканной утончённости, удивительного лада и остроумной гармонизации таких с трудом сочетаемых понятий: эротика — с целомудрием, верности возлюбленной — с однополой любовью. А иерусалимские пейзажи, переливающиеся всеми красками Востока, разные по настроению, но неизменно такие насыщенно-яркие, несмотря на сгустившиеся сумерки и вечернее небо!

Обо всём этом тепло говорили выступавшие на вечер в русской библиотеке издатели Леонид Юниверг и Юрий Вейс, фотохудожник Григорий Хатин, искусствовед Злата Зарецкая, писатель Алекс Резников, переводчик Виктор Голман, художник Борис Лексарь. Горели зажжённые знатоком старого Иерусалима Семёном Рикманом ханукальные свечи; замечательно играл юный пианист — восходящая звезда Натанэль Басс; жена (и муза!) художника Мила Смехова угощала гостей традиционными пончиками. А гордая успехом художника его сестра, пользуясь правом ведущей, незаметным (как ей казалось...) но довольно прозрачно намекающим кивком указывала увлечённым ораторам на часы, иначе бы вечер продлился за полночь.

...А над бездной всё ещё мчатся (или застыли на миг?) кони, которые суть страсти человеческие.